

Сергей Ленин

СВЕТЛАЯ ГРУСТЬ

Любимый Иркутск

Сергей Ленин

**Светлая грусть.
Любимый Иркутск**

«Издательские решения»

Ленин С.

Светлая грусть. Любимый Иркутск / С. Ленин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859079-5

Иногда хочется забыть про все дела, заботы, проблемы и просто немного расслабившись, взгрустнуть светлой грустью. Этот сборник историй как раз для этого. Читай, сопереживай, грусти, становись опытнее и мудрее, чище и добрее. Жизнь прекрасна

ISBN 978-5-44-859079-5

© Ленин С.
© Издательские решения

Содержание

1. Случайная встреча в Иркутске на	7
2. Разная старость	9
3. Мама, мама, мамочка	15
4. Любовь и зарождение новой галактики	19
5. Прозрение злобного фуфлыжника	22
6. Удивительный собеседник	24
7. Размышления. Человек – большой друг собаки	26
8. Исповедь первому встречному	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Светлая грусть Любимый Иркутск

Сергей Ленин

Дизайнер обложки Ольга Решетникова

Фотограф Ольга Решетникова

Иллюстратор Ольга Решетникова

© Сергей Ленин, 2017

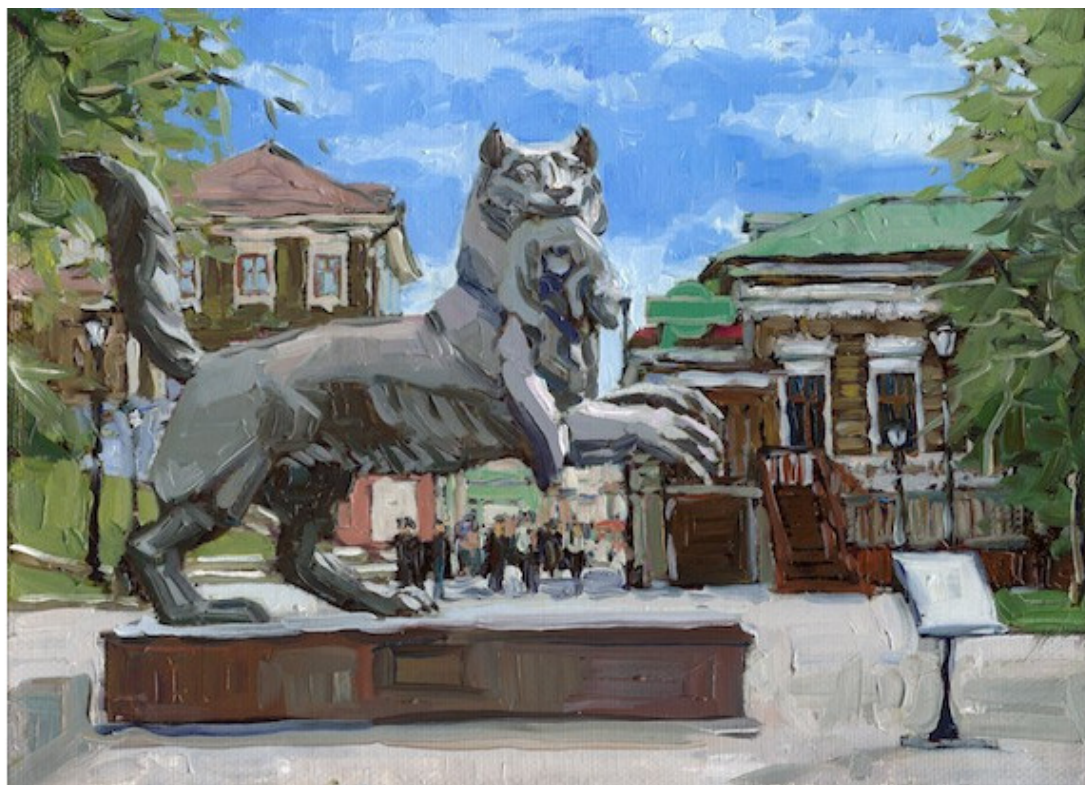
© Ольга Решетникова, дизайн обложки, 2017

© Ольга Решетникова, фотографии, 2017

© Ольга Решетникова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-9079-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бабр. Картина Алексея Яшкина

1. Случайная встреча в Иркутске на Центральном рынке

Сижу в своей машине возле иркутского Центрального рынка. Жду встречи в обозначенное время. Смотрю по сторонам. Приехал заблаговременно, вот и коротаю время за созерцанием местных достопримечательностей. Мой взгляд поймал мужчина не очень опрятного вида. Он зацепился за него, за взгляд, и подтянулся ко мне.

– Слышь, мужик, давай поговорим, – обращается он ко мне.

– Ну давай, если не шутишь, – отвечаю ему я.

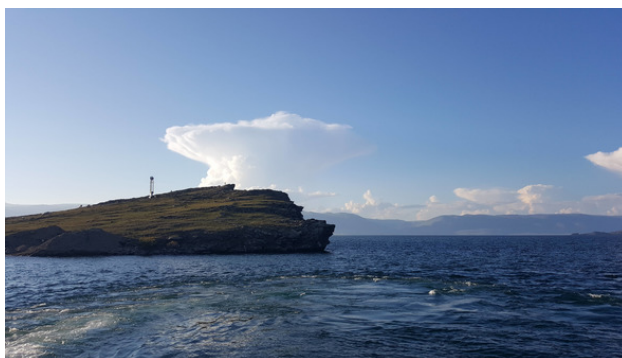
– Понимаешь, братан, я только что откинулся. Пять лет у хозяина отбатрачил. Вона справка об освобождении, – и он протягивает мне свеженькую бумажку с синей печатью.

– А на хрена ты мне её кажешь? Я же не мент. Я и так тебе верю, – отодвигаю документ я.

– Я работу потерял, жрать было нечего. Вот я здесь на рынке кусок мяса слямзил. А мне ласты завернули – и на нары. Туберкулёз там подхватил, – сказал он и зашёлся в сухом кашле.

– А тут чё делаешь? Опять за мясом пришёл?

– Не, я взял бухнуть и к шмаре своей подамся. Она обещала ждать меня, а сама с хмырём живёт. Я ей маклак отшибу, суке. Чтобы за базар отвечала.

Я набираю слово «маклак» на смартфоне. Интернет мне поясняет: это головка бедренной кости, мосол.

– Ты чё-то крутой сильно. Баб-то бить – это козлячье дело, по-моему, – упрекаю его я.

– А чё делать-то? Обидно мне, значит, – оправдывается мой собеседник. – К себе в Хомутово ехать, что ли? Там у меня от мамки осталось два гектара земли.

– Ну вот и поезжай. Картошку посадишь. Выкопаешь урожай. Самому пожрать будет чего. Самогонный аппарат купишь. Всю зиму помаленьку попивать можно. И баба у тебя, у буржуина, появится, – начал строить прогнозы я. – А иначе опять на нары, по стрёмной статье.

Мужик разулыбался и расчувствовался. В глазах навернулись слезинки. Он достал из полиэтиленового пакета своё самое дорогое имущество – четыре бутылки тройного одеколona.

– Слышь, мужик, со мной ещё никто так не разговаривал и никто так обо мне не заботился. Давай с тобой выпьем. Я неделю пустые бутылки из-под пива собирал, потом их сдал, и вот теперь попировать можно. Он протянул мне один фунфырик с заветной огненной водой.

– Бля буду, я бы выпил с тобой без всякого базара. Но за рулём я, понимаешь. Да и свою цистерну уже давно опустошил. Не обижайся на меня, мужик, – твёрдо и уважительно отвергаю я предложение, исходящее от всей души этого простого и незамысловатого человека. – А как зовут-то тебя, дружище?

– Вася я, мне двадцать шесть лет.

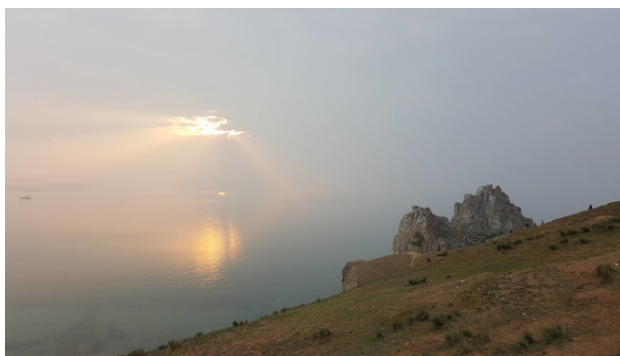
Я с тоской посмотрел на этого парня. Внешне он выглядел не менее чем на сорок пять лет. И я подумал: «А чем же этот русский мужик отличается от Анатолия Сердюкова, при котором спёрли у государства миллиарды рублей?»

Мне стало грустно. Настало время плановой встречи, и в мой серебристый джип подсел деловой партнёр. А Вася понуро пошагал в свою полную разочарований и печали жизнь.

Где ты теперь, мой случайный знакомый Василий?

2. Разная старость

– Съездил бы, Сергей, мусор вытащил из подъезда. А то Восьмое марта на носу. А в квартире бабы Нади (*это моя уже ушедшая мама*) ремонт и мешки с разными строительными отходами заполнили лестничную клетку. Перед людьми стыдно. Давай, давай, хоть польза от тебя какая-нибудь будет. А то сидишь и на ноутбуке клацаешь клавишами, бездельник ты мой, – строго говорит мне жена Лена.

И вправду, пользы от меня мало. Сажусь в свой джип. Он для перевозки мусора не очень подходит. Но строители всё аккуратно упаковали в мешки. Володя, который занимался ремонтом и вывозом отходов, был на отдыхе. Поэтому нужно было перехватить инициативу и не доставлять неудобства соседям. Когда моя мама была жива, она не разрешала делать ремонт. Она мудро говорила:

– Когда я уйду, тогда и делайте что хотите. А меня всё устраивает. Эта старая обстановка мне привычна. Почти вся жизнь моя прошла здесь.

Мы и не беспокоили маму, только пластиковые окна поставили, да освежающий ремонт Лёха Зубарев, наш друг – строитель, сделал. Время безжалостно, и вот моей мамочки не стало.

Моя жена Лена по случаю пригласила бригаду ремонтников. Замечательные люди они, религиозные. К святой вере пришли через разные жизненные трудности и горести. Вера у них отличается от православной, они баптисты. Это протестантское движение зародилось ещё в XVI веке при расколе церкви. Разным догматам привержены разные церковные учения. Но доброта и порядочность – их общая и очень важная черта. Вот эти ребята: Володя, Андрей, Николай, Анастасия, Алёна – братья и сёстры, так они общаются между собой. Они-то и были ремонтниками квартиры, оставленной нам моей любимой мамой. Примечательно, что алкоголь, курение и другие вредные привычки они оставили в прошлом. А ещё был у нас в квартире плиточник Виктор, знакомый нам ранее по своей искусной работе.

Подъезжаю в лоно «железнодорожного двора» – двора моего детства, к дому №71, что по улице 5-й Армии. Мне дорогу перегораживает бабушка, совсем как моя мама. Она жестикулирует тросточкой и что-то оживлённо говорит. Я припарковался и, выйдя из машины, спрашиваю эту пожилую женщину:

– Какие у вас проблемы, бабушка? Чего вы, как гаишник, регулируете движение во дворе?

Бабушка мне сердито улыбнулась и говорит:

– Это вы ко мне по вызову приехали? Я уже устала ждать. Сколько можно тянуть резину?

– Не, я не таксист, я приехал строительный мусор вывезти.

– А я старая железнодорожница – Соколова Людмила Николаевна, я помощником машиниста почти всю жизнь проработала. Муж мой тоже железнодорожником был. Вот у меня даже правительственная медаль есть – «Ветеран труда». – И бабушка полезла в свою сумку.

– Спасибо, не надо, не показывайте, я верю вам. У моей мамы такая же медаль была. Давайте я вас свожу. Щас, только мусор закинем в багажник.

Андрей вытащил, а я погрузил мешки. Бабушка кое-как взгромоздилась на переднее сидение. Мы отчалили. По дороге я остановился у мусорки. Её жерло схавало мешки. И мы поехали в сберкассе.

– А дети-то у тебя, Людмила Николаевна, есть?

– Да, три дочки. Старшая только умерла, месяц назад. А две другие вот вчера ко мне приезжали, еду привозили.

– Ну, тебе, бабушка, повезло. Дочки у тебя заботливые.

– Ну, не скажи. В коттедж, который мы с мужем строили, меня не пускают. Вообще, дурой меня считают. На хрен мне эта трёхкомнатная квартира? Лучше бы однокомнатную. У меня голубь жил. Я его на улице подобрала. Лапка у него перебитая была. Так мы жили с ним и не тужили. Я кормила его. А голубь летал по квартире из комнаты в комнату. Мне хорошо от этого было. А дочки, пока меня дома не было, выпустили его на улицу. Я им, мандовошкам своим, сказала, что всё равно его, голубя, найду, и мы снова будем жить вместе. А она пусть со своим кобелём живёт. Представляете, он сидит дома, нигде не работает. Срам божий, как такое может быть? Фу...

– Ты, бабуля, рамсы попутала. Дочка-то взрослая у тебя. Какого хрена ты в её личную жизнь лезешь? Она сама её устраивает с кем хочет, – одёргиваю бабку я.

Людмила Николаевна сверкнула на меня глазами:

– А ты, мил человек, на хрен не лезь, не защищай её. Ишь, защитник выискался.

Я помолчал, потом решил проверить бабушку на предмет болезни Альцгеймера. На все мои вопросы она отвечала чётко. Память для её возраста, 81 год, была отменной и ясной.

Значит, это – не заскок, а её жизненная позиция такая. Ничего не поделаешь, дочкам надо смириться и терпеть.

Я невольно вспомнил недавнее событие из жизни моей мамы.

– Серёжа, – говорит мне мама, – давай съездим к моей подруге детства Тамаре. Она лежит пластом. Детей у нее нет. Племянник, которому она завещала свою квартиру, о ней заботится. Но он больной и сам еле-еле ноги передвигает. Давай её попроведаем. Я какие-нибудь лакомства возьму и денежек ей маленько дам. Боюсь, что не успею и не свидимся уже. У меня уже все подружки поуходили.

Маме был 91 год.

Немудрено, природа так устроена, уходят старики. Уходят молча, и попрощаться у их сверстников не получается порой. То здоровье не позволяет, то транспортные проблемы и много чего ещё другого.

Приехали. У бабушки чистенько. Социальные службы предоставляют помощниц, плюс бабушка из пенсии доплачивает за уборку и другие домашние дела. Сама уже ходить не может. По нужде ходит под себя.

Как же ей тяжело, подумал я. Как непросто доживать свой век этой женщине, отдавшей свою молодость и здоровье Родине. Трудившейся без остатка до самых последних сил и в годы Великой Отечественной войны, и в героические будни пятилеток на строительстве коммунизма.

Как же она была счастлива повидать свою подругу детства – Надюшу, мою маму, с которой не виделась много-много лет. А я для неё был чем-то вроде божества, доставившего ей вселенское счастье общения. В её мир одиночества вместе с нами ворвался свежий ветерок воспоминаний. Воспоминаний о тех далёких временах, когда они были красивыми и озорными девчонками, кружившими головы своим одноклассникам. Как получали похоронки и оплакивали своих безусых пацанов, ушедших добровольцами на фронт. Как боролись за перевыполнение производственных планов родной и любимой партии (КПСС), как взрослели, а потом старели... Помирать бабушка явно не собиралась. Несмотря на свою немощь, она строила планы по побелке потолков, каком-то ремонте. Но через неделю её телефон уже не отвечал.

Мама говорила: «Хорошо, что успели навестить Тамару при жизни. На душе как-то спокойнее и легче».

А сама она, когда я собирал вещи для отправки на скорой помощи в больницу, напоминала мне: «Серёжа, сынок, не забудь положить косметичку и щипчики. Да, и халат этот красивый, в цветочек, который мне Лена невестка подарила, тоже положи в сумку».

Умирать она не хотела. Хоть и глаза у неё в этот раз были грустными и печальными. Как будто бы она прощалась с квартирой и с прожитой в ней жизнью... Было это в апреле 2016 года.

В сберкассе я помог Людмиле Николаевне доковылять до «амбразуры», где выдают деньги. Она ничего не боялась. Она доверилась мне. С незнакомым человеком, получив двести тысяч рублей, бабушка села в машину.

– А на хрен тебе, бабушка, столько бабок? – спрашиваю я. – Ведь твои дочки тебе привозят жратву. Тебе и тратиться не на что.

– Много ты в жизни понимаешь. Найду куда потратить. Может, я их пропью или прогуляю, – игриво так пошутила бабуля.

– Дело твоё, конечно, но инстинкт самосохранения-то у тебя должен работать. Ты же могла напороться на придурка. Он дал бы тебе по башке и выкинул бы в кювет. А денежки забрал бы себе.

– Ага, щас, разбежался. Я бы их, денежки, в трусы бы спрятала. Чай, не полез бы, окаянный.

«Да, логика железная. Если бы не знал, вряд ли бы в трусы полез», – улыбаясь, подумал я.

Вот мы снова в «железнодорожном дворе», уже возле её дома.

– Бабуся, ты на дочерей-то своих баллон не кати. Хорошие они у тебя. Не хами им понапрасну. Доживайте в дружбе.

– Да пошёл ты. Учитель хренов. Лучше возьми денег за помощь мне.

– Ты чё, бабуля, с дуба рухнула? Кто за помощь пожилому человеку деньги берёт? Не обижай меня, пожалуйста.

– Как не берут-то. Ещё как берут. На прошлой неделе ко мне приезжал таксист. Я ему пять тыщ дала, чтобы он меня несколько раз свозил в больницу там, туда-сюда. Он до больницы-то довёз и слинял, хвостом махнул. И сотовый телефон его недоступен стал.

– Ну, всякие люди-то бывают. Не мне тебе это рассказывать. Ты целую жизнь прожила, насмотрелась на разное, однако, – грустно говорю ей я. – Я по уважительному отношению к тебе, выходит, хороший. А два дня назад иду по тёмной улице ночью, три молодых мужика закурить просят. Я не курю. А они, мол, взрослый такой и не куришь. Дай тогда нам денег на курево да на водяру. Я, понятно дело, дал по полной программе. Теперь для них я плохой. Сломанные челюсти и рёбра лечат.

– Ну, блин, денег тебе не надо, так пойдём выпьем. У меня коньяк хороший есть, – стала приглашать меня бабушка.

– Не, я спиртное не пью, я баб люблю, – шутливо парирую я приглашение Людмилы Николаевны.

– Во, блин, здрасте, мой муж тоже баб любил. Они сами за ним бегали. Он блядун в молодости был. Я сильно его ругала за это.

– Бабушка, а ты смерти не боишься? – спросил я Людмилу Николаевну, глядя ей в глаза. Она, не задумываясь ни на мгновение, выпалила:

– А чё её бояться-то, смерть эту? Ни капельки не боюсь. На хер мне жисть такая, прозябание, и только.

– Ну, ты, Сергей, завтра за мной приезжай, – бесцеремонно произносит бабушка, немного помолчав, после паузы.

– Не, я занят. Ты, когда вызываешь социальное такси, сиди возле телефона. Как подъедет, позвонит. Ты попросишь, чтобы он тебя препроводил к машине. Первый этаж, ты же сама сказала, недалеко получается. А так ты со своей тросточкой за машинами во дворе гоняешься. А телефон не отвечает, и заказ аннулируется.

– А, поняла, Сергей, спасибо. Счастливого тебе пути.

Я ехал и думал:

«Какая же разная старость выпадает людям. Интересно, а какая будет у меня»?

3. Мама, мама, мамочка

Анисья Никитична, мать Володи Сивакова, любила своего сына больше жизни. Она души в нём не чаяла. Рано осталась одна. Муж оставил её с малолетним сыном, а сам уехал куда-то. Вовка, когда подрос, допытывался у мамы про отца. Но Анисья отбрыкивалась. Говорила, что подрастёт, потом всё узнает. Типа, лётчиком был твой папа. Улетел на военное задание, да так и не вернулся. Сгинул, наверное. Только потом от бабки Володя узнал, что не было никакого лётчика. А батька его просто уехал искать своё счастье в другие края и о сыне позабыл совсем. Сначала взрослому Вовке очень хотелось найти своего отца, чтобы набить ему рожу, но потом как-то стерпелось, да поутихла злость. И желание искать отпало.

Анисья была ладной и красивой женщиной, работала на кондитерской фабрике рабочей. Её в шутку называли сладкой женщиной. Но жизнь-то была у неё не сладкой. Работала она иногда в две смены, чтобы сыночка своего вывести в люди. Чтобы он был не хуже других. Старалась баба изо всех сил, а о себе и не думала совсем. Годы шли, а она всё была одна. Не могла забыть своего непутёвого мужа Петра. Не подпускала к себе других мужиков.

Но однажды случилась и ей любовь. Приехал в Иркутск к ним на фабрику бравый солдатик Володя. Он на войне всю свою семью потерял. Мыкался по стране, не находя себе места. Жену всё никак забыть не мог и двоих своих сыновей. Он и похоронить-то их не мог по-человечески. Фашистская бомба попала аккуратно в их избу и разнесла всё в клочья. Потом вспыхнул пожар. Сгорело всё. Ничего не осталось. Ни от дома, ни следов от его любимых. Бомба-то зажигательной была. Возил Володя с собой только пригоршню той землицы с пепелища. Бывает, иногда достанет платочек, положит на стол, развяжет его и сидит плачет над этой кучкой земли, перемешанной с пеплом, как над своей прошлой счастливой жизнью, как над могилой своих родных.

Не было ему душевного покоя, вот и скитался по стране. Работник он был хороший и вдобавок непьющий. Его везде принимали хорошо и отпускать не хотели. Мало таких ответственных и рукастых мужиков после войны было. Поубивало много да искалечило. Кого если не физически, то душу изранило да искрутило так, что пили они шибко. Водкой горе своё заливали. А Володя нет, он, чтобы забыться, уходил весь в работу. Трудился без праздников и выходных. За что и уважало его начальство.

Однажды встретились они с Анисьей взглядами только раз, да и громыхнуло в их сердцах. Любовь пришла неожиданно и нежданно. Стали они встречаться тайком. Мало ли чё люди болтать будут, парнишку, сына обидеть могут сплетнями всякими. Расцвела Анисья, да и Володя из смурного да грустного превратился в озорного и весёлого. Даже прихрамы-

вать перестал. Осколок у него в ноге был от фашистской мины, которая взорвалась возле его танка. Ногу спасли, а осколок остался там навсегда.

– Анисья, выходи за меня замуж. Дом поставим отдельный. Начальство лесом помочь обещалось. Любить я тебя буду как самое своё дорогое сокровище. Не умею я слов красивых говорить, ты уж извини меня. Но я сыну твоему отцом буду не хуже любого родного, значит. На машине его научу ездить, чинить неисправности всякие. Оно, шофёрское дело, сейчас вроде как не очень престижное, больше всё о космосе говорить стали. Скоро, наверное, космонавта запустят в небесные дали. А мы на земле трудиться будем. Может, ещё ребёночка родим, мы ведь не сильно старые будем, однако, – нежно и твёрдо говорил Владимир, влюблённо глядя на свою подругу.

Потом он прижал всю дрожащую Анисью к своей груди. Он нежно поцеловал свою любимую женщину и стал смотреть ей в глаза, ожидая с огромным нетерпением её ответа. Пауза была недолгой.

– Конечно, Володенька, я согласная. Я тебя всю жизнь ждала, такого сильного и доброго, такого крепкого и надёжного. Ты моё счастье, ты мой сокол ясный. Я без тебя уже жить не могу. Даже не представляю себе, что могла бы прожить и тебя не встретить.

Она стала целовать своего спасителя от затянувшегося одиночества. Слезы ручьём бежали из её глаз прямо на гимнастёрку Владимира. Она плакала и причитала от счастья, от простого бабьего счастья, внезапно выпавшего на её тяжёлую долю. Она была по-настоящему счастлива, так сильно, может быть, в первый раз в своей жизни.

Владимир купил в фабричном магазине конфет, выбирал из самых лучших. Потом на рынке они купили овощи. А для подрастающего сына Анисьи настоящий футбольный мяч в магазине «Спортовары», что на улице Карла Маркса. И вот они уже в комнате Анисьи в их с сыном квартире. Обстановка торжественная. Потенциальные молодожёны улыбаются друг другу и переглядываются между собой.

Вовка смотрит на мать и незнакомого ему мужчину и ничего понять не может. Чему радуются взрослые, чего они задумали? Вовка в свои двенадцать лет был уже высокого роста. У него уже начал ломаться голос, он говорил, смешно бая, подражая как бы взрослому мужчине.

– Мам, чё вы тут задумали такого? Праздника вроде никакого на календаре нет, – вертя и рассматривая новенький мяч, спросил Вовка.

– Сыночек, понимаешь, такое дело. Мы с Владимиром Ивановичем решили пожениться. Мы полюбили друг друга. Дядя Володя сказал, что будет любить тебя тоже. Мы будем жить все вместе дружно и счастливо, – мама осеклась, глядя на меняющегося в лице сына. Вовка зашипел, как гремучая змея, злобно и визгливо выкрикивая обидные слова:

– Пусть он уходит. Я никому тебя не отдам. Нам никто не нужен.

И мальчишка со всей силы пнул новенький футбольный мяч. Тот, разбив оконное стекло, вылетел на улицу и поскакал на противоположную сторону дороги. Мяч не знал, что в тихой иркутской квартире разразилось огромное и ужасное по своему масштабу человеческое горе. Ему было невдомёк, что рушится, не успев сформироваться, вселенная Анисьиного счастья. Мячик подпрыгивал себе, а за ним устремилась стая бездомных собак.

У них уже закончился свадебный ритуал, и молодым кобелям захотелось порезвиться. Они подумали, что кто-то начал призывать их поиграть с мячом. И собаки с молодым азартом начали беситься.

Анисья горько рыдала. Слова сына прозвучали для неё как гром среди ясного неба. Находясь в сладком облаке восторженной любви, женщина не догадалась заранее подготовить сына сначала к мысли, а потом уж и к разговору о своём замужестве, о новом папе для Вовки. Поняла это она только сейчас, но было уже поздно. Владимир Иванович попытался деликатно возразить Вовке, но тот был непреклонен. Он подошёл к маме, обнял её крепко и с твёрдыми нотками в голосе повторил:

– Я свою маму никому не отдам. Ясно?!

– Ясно, – сказал Владимир Иванович и, сгорбившись, хромая, вышел прочь. Его фигура в одно мгновение осунулась. Он стал походить на старичка, который с сердечным приступом спешил на улицу, чтобы вдохнуть глоток свежего воздуха. Сердце щемило, и Владимиру Ивановичу начало казаться, что он уже умер. Он присел на лавочку. Неподальёку прыгал мяч. Молодые кобели набрасывались на него и, ударя лапами по поверхности мяча, бежали за ним вслед по его новой траектории движения. Они резвились, светясь молодой энергией.

К Владимиру Ивановичу внезапно, ковыляя и прихрамывая, подошёл старый кобель из той собачьей свиты. Самка ему не досталась, он безнадёжно проиграл своим молодым конкурентам. Играть с мячом у него уже не было сил. Он присел на землю рядом с мгновенно постаревшим мужчиной, чтобы отдышаться. Потом они пристально смотрели друг другу в глаза. Не отрывая взгляда, они как бы погрузились в свои и чужие их общие переживания. Старый пёс почувствовал острую и невыносимую боль человека. А Владимир Иванович ощутил страдание собаки. Они смотрели друг на друга, и вдруг оба горько заплакали. Из их глаз текли крокодильи слёзы. Они уже ничего не могли изменить к лучшему. Старик кобель ощущал, что его жизнь подходит к скорому концу и этого уже не избежать. Он также понимал, что у человека, что сидит напротив него на лавочке, разрывается сердце, ноет душа, что у него умирает надежда и любовь. Эти два престарелых горемики непостижимым образом понимали и разделяли общие горе и боль друг друга, свою и чужую – собаки и человека. Вот ведь как бывает в жизни.

Вдруг Анисья Никитична очнулась от дремы воспоминаний. Междугородний автобус остановился. Надо выходить. Она приехала встречать своего уже взрослого сына. Володя Сиваков от звонка до звонка отбыл свой срок, он освобождался из колонии. Никто его не встречал, только мама. Она одна была ему рада, она по-прежнему любила его больше всей жизни. Каким бы он ни был. Пусть он оступися, но он хороший. Он её кровиночка, она никому уже не отдаст своего сына. Никому и никогда, пока будет биться её материнское сердце.

4. Любовь и зарождение новой галактики

– Как красиво и загадочно ты говоришь, Фёдор. Тебе, наверное, надо быть писателем или поэтом, а ты крутишь баранку, – романтической интонацией разорвала затянувшуюся паузу Марина.

– Поздно мне уже переквалифицироваться, – угрюмо парировал Фёдор.

– Как же поздно-то, тебе только 26 лет, жизнь начинает расцветать, – изумилась ответу парня Марина. – В твоём возрасте Лермонтов и Пушкин уже написали свои бессмертные произведения. А тебе, может, предстоит это сделать. Что за пессимизм, Фёдор? – Марина недоумевала.

– Понимаешь, Марина, мне осталось жить всего два года и восемь месяцев, – голос парня звучал безнадегой.

Опережая очередной вопрос Марины, Фёдор пояснил:

– Экстрасенс-волшебник так предсказал мою судьбу. А он никогда не ошибается, я это точно знаю. Проверено на людях.

Установилась звенящая пауза. «Как такое может быть, за что?» – думала Марина.

Потом Марина разрыдалась, она не могла представить себе этого парня мёртвым. Фёдор подсел к ней на кровать и начал успокаивать девушку. Он гладил её вьющиеся волосы, спадающие на плечи. Потом он обнял Марину и прижался к ней. Фёдор впервые почувствовал как бы материнское тепло, исходящее из сострадающего ему сердца Марины. Такого искреннего, такого близкого и родного. Марина продолжала плакать. Захваченный этой волной страдания и сострадания Фёдор тоже прослезился. Потом они не заметили сами, как начали целоваться, говоря друг другу нежные и проникновенные слова, жарко перебивая друг друга.

Потом Марина сбросила с себя халатик, и взору Фёдора представилось её красивое тело. Он смотрел на свою новую подругу и не мог налюбоваться. Вдруг Марина вскинула голову назад, чтобы освободить свой взор от спадающих на лицо русских прядей волос. Волосы полетели назад. А её полная жизненных сил, упругая, как мяч, большая грудь метнулась вслед за движением головы девушки. Потом, как маятник, грудь качнулась в обратном направлении, немного колыхнулась и замерла. Упругая волна пробежала по телу девушки. Фёдор был очарован, он не мог произнести ни слова. Потом, очухавшись как от наваждения, он дрожащим голосом произнёс:

– Мариночка, шевельни ещё вверх своим плечиком.

Марина озорно засмеялась и резко подняла вверх правое плечо, потом левое.

– Смотри, Фёдор. Любуйся. Я сегодня твоя. Только ты не уходи, не умирай. Смотри, милый. Жизнь прекрасна, мы будем жить вечно.

Её высокие груди скользнули одна за другой вверх. Потом их масса вернулась вниз. Несколько мелких, завораживающих колебаний – и они застыли в трепетном ожидании поцелуев.

Фёдор нежно целовал розовые соски. Ласкал своими крепкими руками тело Марины. Его ладони скользили от груди к спине. Бежали вниз к талии, описывали дуги по бёдрам дрожащей в экстазе девушки. Потом они прогуливались, лаская спину Маринки. Кожа девушки от чувственного восторга покрывалась мелкими пупырышками, становилась наподобие гусиной. Затем руки Фёдора перемещались вниз к промежности, его пальчики были

как бы смычками волшебной скрипки, то они сжимали клапаны сказочного духового инструмента, то бегали по клавишам чувственного органа. Симфония любви захватила молодых людей. Они не могли оторваться друг от друга.

Марина тонула в волнах оргазма от одних только восхитительных прикосновений. Вдруг на секунду она вынырнула из сладострастной пучины, чтобы глотнуть живительного воздуха, и томно начала шептать:

– Федя, Феденька, родной мой, давай создадим свою галактику. Пусть далёкий космос встряхнёт поток термоядерной энергии нашего счастья и любви.

Вся ночь была освещена этой волшебной, сладкой, чарующей и жизнеобразующей энергией. Потом Марина любовалась спящим Фёдором. Он изредка вздрагивал и вздыхал во сне. «Наверное, новая, образованная сегодня нашей любовью галактика передаёт Фёдору какие-то космические сигналы», – подумала влюблённая девушка.

Утром Марина приготовила завтрак. Она целовала Фёдора и благодарила за незабываемую ночь любви.

– Фёдор, я за твои нежные руки готова полжизни отдать, – восторженно говорила Марина. – Я была на вершине восторга, на планете женского счастья.

Фёдор впервые от девушки слышал такое. Обычно другая часть тела была самой запоминающейся в женском сознании. А тут нежные руки... Да, Маринка была необычной, сказочной женщиной. Потом они расстались, и Фёдор пошёл в диспетчерскую ПРО (производственно-распорядительного отдела) «Братскгэсстроя». Там его уже ждал непосредственный начальник – Иван Михайлович Говорунов.

А Марина вскоре почему-то поспешно уехала на Украину к себе домой. Они даже не попрощались, не обменялись адресами. Связь прервалась. Но Фёдор душой чувствовал, что новая галактика иногда передавала ему слабые радиосигналы. Но расшифровать их он не смог, а может, просто не захотел.

5. Прозрение злобного фуфлыжника

Вечерело. Солнце, по обыкновению, закатывалось за горизонт, цепляясь последними лучами за верхушки сосен. Подул холодный, знобящий ветерок. Где-то вдали заухала сова.

– Это же надо, бля, твари, нет никакого покоя простому человеку. И тут какая-то долбаная птица на тебя ухает. Пошли бы вы все нах! – злобно про себя шипел Петрович.

Он шёл чуть сгорбившись. Жизнь переломала его, перекрутила, перемолола и выбросила на обочину дороги. Куда он идёт, он и сам не знал. Выбрал направление на закат солнца и плёлся себе потихоньку. С каждым днём он всё больше отдалялся от родного города Иркутска и священного озера Байкал. Мимо иногда проезжали редкие машины, поднимая за собой клубы густой рыжей пыли. Из их приоткрытых окон доносились мелодии русского шансона.

– Едут, ё, козлы, хоть бы один гадюка, долбоёб остановился. Предложил бы уставшему человеку водички попить, перекусить маленько. Нет, прут себе, ублюдки, мимо. Баламошки грёбанные, мордофили проклятые, – ворчал Петрович. – Пенятьюхи со своими загусками, ерпыли и захухри, – почему-то на старорусском начал ругаться измотанный вконец пожилой и отвратительный своей необузданной злобностью фуфлыга.

Вдруг слева в лесополосе он видит мерседес. На лужайке, окаймлённой берёзками, происходит действие. Автомобиль плавно раскачивается, а из приоткрытого окна доносятся сладкие женские стоны:

– Милый, милый, ещё, ещё, ну, давай же, счастье моё. Я на седьмом небе от тебя. Ты мне даровал возможность познать высшее чувство любви. Ну, давай, ещё давай, я без ума от счастья...

– Щас я вам устрою и седьмое небо, и высшее чувство, – злорадно бубня себе под нос, Петрович поддел топориком крышку бензобака.

Крышка со скрежетом открылась.

Влюблённые, охваченные ураганом плотских чувств, ничего не замечают. Петрович достаёт из котомки свои старые носки и, скручивая их как фитиль, просовывает один конец в освобождённую от крышки горловину бензобака. Звуки любовной симфонии, исходящие из салона машины, его всё сильнее раздражают. Подождав немного, когда ткань носка пропитается бензиновым испарением, он, сверкая воспалёнными бешенством глазами, подносит пламя зажигалки к фитилю. И, устремившись через дорогу, падает в кювет.

Наступает вершина любовного акта, вместе с небесным оргазмом и изнемогающими криками удовлетворения, несущимися ввысь, звучит хлопок взрыва. От автомобиля начинают разлетаться в разные стороны брызги огня.

– Ну, волочайка бессоромная, получай. И ты, недоносок, выродок, дуботолк, тоже, – улыбается чёрт верёвочный.

Петрович ликует. Чтобы до конца насладиться зрелищем, он без оглядки бежит обратно через дорогу к загоревшейся машине.

Вдруг резкий пронзительный сигнал разрывает вечерние сумерки, визг тормозов... И свет погас в глазах и сознании Петровича...

Мчащаяся по дороге огромная фура, как муху, превращает тело Петровича в окровавленное мокрое место...

Вот он уже на небесах.

Впереди него стоит голубоглазая девушка, она прибыла сюда на несколько секунд раньше Петровича. Халатик на ней расстегнут, и ещё он сильно обгорел. Её молодое тело ещё охвачено любовной страстью.

Прибывшие сюда души людей ещё не успели трансформироваться в энергетическое облако и представляли собой образы тех личностей, в кого они воплощались в прошедшей жизни, и их последнее состояние перед смертью.

Все стояли в очередь за белыми тапочками у входа в небесную приёмную.

– А, вот ты какая, – начал рассматривать полуобнажённую девушку Петрович. – А курощупа твоего, мерзавца-то, не видать. Выпрыгнул, дрянь, подлюга, из горячей машины. Тебя умирать оставил одну, сволочь он поганая. Кругом одни козлы, – опять начал ругаться про себя Петрович.

Девушка обернулась и посмотрела на Петровича. В её удивительно чистых глазах, как в кристаллах аквамарины, он вдруг начал воспринимать энергию утешающей любви и добра.

Что-то удивительное произошло в душе Петровича.

Он начал ругать себя:

– Какая я сволочь, дрянь, мерзавец, мразь, подонок! Не приложил ни капли усилий, чтобы познать эти чувства на Земле!

6. Удивительный собеседник

Осенние тучи зацепились за крышу нашего НИИПА (Иркутского научно-исследовательского института промышленной автоматики), они стали обволакивать здание. От соприкосновения воздуха тёплого с холодным стали зарождаться слёзы конденсата. Потом потоки водных осадков пролились вниз на кустарники акации, серый асфальт и припаркованные автомобили наших начальников, понуро стоящих у главного входа. Настроение было мерзкое, природа плакала. Плакал и Николай Сергеевич. Он вчера был на свадьбе.

Но эта свадьба была не его. Он был гостем на свадьбе своей невесты. Ах, как это тяжело. Сердце ныло, и оно было готово разорваться на части.

«Моя Катенька, мой котёнок – чужая жена. Моя любимая уже не моя», – стучало в виски и корёжило сознание молодого инженера.

Он поднялся на лифте на шестой этаж в свою аудиторию №617. Широко распахнул окно, встал на подоконник и приготовился выброситься вниз. Как вдруг его порыв охладил голос Прокофия Рудольфовича:

– Колян, я уже всю паутину с окна убрал, можешь не беспокоиться. Пойдём лучше накатим по пятнадцать капель спирта-ректификата.

Весь состав их лаборатории был отправлен в колхоз на уборку урожая, из рядовых на институтском хозяйстве они остались вдвоём. Николай Сергеевич сделал движение рукой, типа проверил за оконную чистоту, и направился в аудиторию следом за Прокофием Рудольфовичем.

– Прокофий, ты когда-нибудь гулял на свадьбе своей невесты? – с надрывом в голосе, чуть не рыдая, вопрошал Николай Сергеевич, разливая спирт из колбы в гранёные стаканчики.

Глаза Прокофия Рудольфовича уставились на собеседника пристально. Казалось, что они, как два тёмно-коричневых паука, моргая мохнатыми ресницами-лапками, начали подтягивать нить разговора к себе.

– Хмм, – послышался выдох его обожжённых спиртовыми парами лёгких.

Захрустел маринованный огурец.

– Понимаешь, Рудольфыч, я смотрел как её, моей Катеньки, глаза выискивали в толпе моё лицо. А когда наши взгляды встречались... Ой, как мне больно. Ведь это я должен быть на этой свадьбе женихом. Это я дружил с Катенькой три года. Это я был её первым мужчиной. Это со мной она, моя любимая Катя, строила планы на всю последующую жизнь. Это она

целовала меня ласково и нежно... Как дальше жить? Ничего не понимаю. Это я должен был сказать моему Котёночку: «Выходи за меня замуж». Но не сказал, всё тянул и тянул время. А он сказал, он позвал, и она, уставшая ждать этих сокровенных слов от меня, пошла за ним. Теперь он жених, а не я. Ах, как мне тяжело. Как тяжело. – Николай Сергеевич горько заплакал, как маленький ребёнок, у которого злые люди отобрали любимую игрушку.

– Уфф, – раздался снова выдох лёгких Прокофия Рудольфовича, проглотившего очередную дозу спирта.

Казалось, что его глаза, как две сороконожки, моргали длинными ресницами-ножками, подбираясь в сочувствии всё ближе и ближе к душевной боли собеседника.

«Какой же он внимательный и чуткий, этот наш Рудольфович, – подумал Николай Сергеевич. – Зря его все считают чёрствым бирюком. Он вон какой чувственный и заботливый».

– Ах, какие глаза у моей Катеньки, – снова застонал Николай Сергеевич. – Как же я буду жить завтра без этого изумрудного драгоценного света её милого и любимого взора? Как я смогу существовать завтра без лёгкого прикосновения её губ, без её трепетных и нежных объятий? Как жить завтра-а-а? – Слёзы сильнее мрачных дождевых вихрей захлестнули нашего молодого инженера.

Теперь и на улице, и в нашей лаборатории бушевал осенний дождь. Николай Сергеевич, исповедавшись, вопрошающе смотрел на своего собеседника. Казалось, что глаза Прокофия Рудольфовича, как две букашки, поползли навстречу завтрашнему дню.

Его хрипловатый голос начал вещать:

– Т-а-а-к, завтра у нас будет пятница. Опять с Лёхой Дулиным поедem на рыбалку. Прошлый раз клёв был на мормышку. Блин, два раза угадать поклевки будет очень сложно. Наверное, прикупим на Бестужева свеженьких опарышей и немного мотыля. Там фирма для рыбаков «Клёвый продукт» находится. Короче, завтра всё будет зашибись! – заключил свою речь Прокофий Рудольфович, зычно выдыхая после принятия очередной дозы спирта. – Уфф-ф, хорошо пошла, родимая. Жисть прекрасна!

7. Размышления. Человек – большой друг собаки

Нежный и бархатный вечер. В первый день лета 2017 года немного взгрустнулось, при взгляде в открытое окно квартиры, что на улице Красноармейской. Во дворе уже нет никого, хоть времени-то всего ничего – десять часов вечера. Даже влюблённые, трепетно прижимавшиеся друг к другу в наползающих густых сумерках, исчезли куда-то со скамеечки. Никто не шумит, не галдит и не лазает по деревьям. Видимо, потому что кокосы с бананами ещё не созрели. Ой, чего это я. Мы же не в Паттайе в тайских тропических широтах. Мы в родном Иркутске.

Жизнь как будто бы приостановилась, раздумывая, чтобы такое отчебучить, чтобы такого неожиданного преподнести людям. А пока она размышляла, я набрал номер телефона Алексея Яшкина.

– Лёша, привет! Чё-то давненько не виделись.

– Ну, да. Послезавтра два дня будет. Чё, скучаешь?

– Да я тут с тобой, Лёха, рядом. Подползай. От твоего дома на улице Грязнова до меня аж минуты три топать. У моей дочи Оли вчера днюха была. Мне супруга по этому поводу коньяк французский презентовала. Он стоит в баре и пищит. Жалобно так. А я на него даже внимания не обращаю. Типа, через пять лет ещё пять звёздочек на этикетку можно будет наклеивать.

– Ну ты, Серёга, и садюга. Как же так можно. Я щас у супруги Оксаны поинтересуюсь и узнаю своё мнение насчёт поздней отлучки из дома к тебе. Правда, поздновато уже. Да я хотел тебе показать мою последнюю работу. Геодезисты заказали мне эмблему для изображения своего труда в виде гномиков. Я изобразил. Оценишь заодно моё творчество.

– Это чё, те гномики из анекдота, которые являлись во сне мальчику и были причиной его энуреза?

– Ха-ха-ха. Не, это гномики из моего воображения художника. Их несколько. Есть даже гномы, бегущие от взрыва. Я видел, как взрывали горные породы на БАМе, когда меж гор прокладывали железнодорожную магистраль. Ассоциации остались в памяти.

– Всё, жду тебя, Алексей Витальевич.

Примерно через десять минут раздаётся телефонный звонок:

– Серёга, а у тебя подъезд какой – средний?

– Ну да. Ты же был у меня.

– Какую кнопку на домофоне-то нажимать?

– Можешь любую. Только смотри, чтобы не нарваться. Я пошёл уже тебя встречать. Всё равно будешь в чужой подъезд ломиться, как в прошлый раз. Склероз надо было дома оставить.

Так и получилось. Лёша нажимал номер моей квартиры на домофоне соседнего подъезда. А отклика не было. Да и быть не могло. Железяка запрограммирована на свой перечень номеров квартир и в соседний подъезд звонить не будет. Можешь, конечно, ожидать в своё удовольствие. И вот мы сидим у меня в квартире. Немного поболтали, и я полез в бар. Там взгромоздилась пирамида из разных напитков.

– Чё будем пробовать? Давай начнём с виски, – предложил я, задумчиво почесав репу. – Это старинный напиток из Шотландии.

Мы разлили по граммулке в бокалы, вообразив себя некими занюханнами лордами, отбывающими ссылку в сибирской глуши.

– Блин, крепкий напиток, – отхлебнув, поперхнулся Алексей. – Хотя я и сделал малюсенький глоточек, а жжёт немного в гортани.

– Это потому, что у него бочковая крепость, которая составляет 57—61 градус. Это тебе не купажный напиток с холодной фильтрацией и разбавлением до 43 градусов крепости дистиллированной водой. Это произведение из односолодовых спиртов, т. е. из стопроцентного соложенного ячменя, и этот виски выдержан в дубовых бочках. А ещё есть древние секреты его производства – это тайна, покрытая мраком, – начал вещать правду в три короба я. – Перед розливом этого элитного напитка в бутылки его, для очистки и придания специфического аромата, пропускают через органический фильтр. Этот фильтр представляет собой особым образом высушенный и очищенный от всего ненужного конский навоз. Это древний рецепт. Вот прислушайся к послевкусию... Чувствуешь? – пыливо спрашиваю я.

Лёша допил свой бокал и задумался, глядя в потолок.

– Не, ничего не чувствую. Хотя я рос в деревне и разные сельские ароматы знаю не понаслышке. Я даже у коровы роды принимал. Представляешь, телёнок начинает выходить вперёд ногами. Потом показывается его голова. Если её не удержать наружу, то происходит как бы засасывание её назад со смачным, чмокающим звуком. Мы даже верёвками за шею детёныша перехватывали, чтобы быстрее высвободить из утробы коровы-матери.

Во, блин, куда нас вынес культурный разговор: из говна в пи... ну, в общем, вы понимаете куда.

– Лёша, чё, ещё вискаря пригубим?

– Не, Серёга, мне чё-то конский навоз расхотелось жрать.

– Во здорово, значит, я виски сэкономил, – засмеялся в ответ я.

– Давай, Лёха, теперь французского коньячка накатим.

– Давай. Только ты, Серёга, должен знать, что коньяк бухать во Франции стали давно. Большинство людей, проживающих на той территории, в те далёкие времена были неграмотными, невежественными и дремучими. Даже их вельможная знать была поголовно тупорылая. Только тогда, когда в 1050 годах грамотная и просвещённая Анна, дочь князя Ярослава Мудрого, стала женой французского короля Генриха I и королевой Франции, там наметилось движение к прогрессу. Ты представляешь, знать плясала в замках на балах, а по нужде вельможи ходили в примыкающие помещения-залы. Чтобы заглушить зловоние, исходящее оттуда, и были придуманы ставшие сейчас знаменитыми французские духи.

– Не могу врубиться, это ты к чему сказал? Что коньяк от этих говнюков пить не будешь?

– Не, это так, к слову пришлось.

Буль-буль-буль. Французский коньяк цвета янтаря заиграл в бокалах. Мы пригубили и стали ждать, когда нахлынет послевкусие. Ждали, ждали. Потом, не сговариваясь, начали

громко смеяться. Как не вытяпывайся, всё равно мы не сомелье и в этой вкусовой радуге ни хрена не понимаем.

Уже почти час ночи, время за разными разговорами пролетело незаметно. На столе две полные бутылки элитного алкоголя, из которых мы пригубили совсем по чуть-чуть. Когда такое было? Обычно раньше горячего не хватало. Стареем или поумнели?

Во второе хочется верить, но что-то не очень получается.

Настало время расставаться. Провожая Алексея к выходу. В полиэтиленовый пакет на дорожку положил виски и пузырь нашего родного медицинского спирта, бутилированного в бутылку от «Баржоми». Это не какой-нибудь боярышник, это натурпродукт. Он с огромной выдержкой по времени (простоял у меня дома неприкосновенным больше пяти лет). Наверное, тоже пятизвездочный, проверенный. Лёша шагнул за дверь в подъезд и опешил. Рядом сидели две огромные уличные собаки. При виде растерявшегося человека псы грозно зарычали. Страх и боязнь людей в отношении собак являются катализатором агрессии животных. Вот уже в зверином оскале показались острые клыки. Р-р-р-р. Р-р-р-р. Как вдруг на межэтажной лестничной площадке что-то зашевелилось и замычало. Мы пригляделись. Оказалось, это бывший интеллигентный человек. Очевидно, в сегодняшней борьбе с пьянством и алкоголизмом получивший от них уже ставший привычным тяжёлый нокаут. Мы вернулись в квартиру и, выйдя на лоджию, устремили свои взгляды на вход в наш подъезд. Там в ожидании сидела ещё одна здоровенная уличная собака. Видимо, мужик вошёл в дверь, которую автоматический доводчик не успел полностью затворить, когда за ним успели прошмыгнуть две собаки. Третья собака не успела и осталась наружи. Снова возвращаемся в подъезд.

– Эй, мужик, на улице тепло, забирай собак и уходи отсюда, – командным голосом, не терпящим возражения, произношу я.

Собаки тут же устремились вверх по лестнице. Они уселись рядом с лежащим человеком, всем своим видом показывая, что в обиду друга не отдадут. Защита более чем убедительная.

Мне стало грустно, защемило сердце. Но что я мог поделать? Эта группа являла собой угрозу для жильцов. Могли пострадать дети и пожилые люди. От нападения никто не был застрахован. Эта милая дружба опустившегося человека и животных была небезопасна в замкнутом пространстве подъезда для всех окружающих. Да, они были именно друзьями. Это читалось. Этот загнавший сам себя в трудную жизненную ситуацию человек не мог являться хозяином для этой своры бездомных собак. Хозяева заботятся о своих питомцах. А он заботиться по-настоящему не мог. Они были равными членами своего сообщества – собаки и человека. Они вместе, шарясь по помойкам, добывали себе пищу. Вместе бродяжничали, вместе ночевали. И, наверное, по-своему любили друг друга. Наверное, мужик в своей прошлой сознательной жизни был добрым человеком. Со злыми и подлыми людишками собаки водить дружбу не станут. Они на инстинктивном уровне чувствуют кто есть, кто. А сейчас не очень понятно, кто из этой своры является человеком, а кто собакой. Существо о двух ногах в угоду своим сиюминутных потребностей, наверное, может тебя и придушить, и нож тебе в спину всадить. У него уже давно изменённое сознание. Постепенно алкоголь вымыл из мозгов ростки добра и сострадания. Да и само его сознание уже представляло собой рваное полотно животных инстинктов с грязными и постепенно отваливающимися лоскуточками человеческих эмоций уже не нужного этому индивиду добра и сострадания. Социальная ответственность утрачена. Нет никаких обязательств ни перед кем-то, ни перед самим собой. Жизнь катится вниз по наклонной плоскости. И только собаки подставляют свои спины, тела и сердца, чтобы это двуногое существо ещё продолжало быть на плаву сермяжной жизни.

Лёша вспомнил, что видел этого мужика спящим на тротуаре улицы Грязнова. Он спал в алкогольном угаре, а собаки сидели рядом и никого не подпускали к нему. Даже милиция, проезжавшая мимо, опасалась забирать пьяного бедолагу. Не хотели, по-видимому, стражи порядка вступать в бой со сворой агрессивных собак.

Жажда принятия алкоголя или другой дури – вот единственное, что отличало устремления падшего человека от собак, ведущих совместный образ жизни, – печально подумал я.

Мужик ушёл, следом из подъезда выбежали собаки, и они все вместе поплелись в ночи на другое место ночлега. Чтобы завтра искать себе пропитание. А собакам снова защищать от людей своего одуревшего в очередной раз друга-алкоголика.

Лёша тоже ушёл домой. А я в эту ночь не смог уснуть.

На следующий день Лёша пригласил меня на шашлыки. В его дворе мы с Алексеем, красавицей Оксаной – его женой, Нуриком – прекрасным парнем, соседом, уроженцем Киргизии, болтали и ели мясо, запивая шотландским виски, имеющим старинный загадочный аромат. Бизона, Лёхиного кореша, не было, поэтому мяса хватило всем и даже осталось. Все субпродукты от готовки мы отдали уличным собакам.

8. Исповедь первому встречному

Повеяло весной. Озорной воробей Кеша, который частенько прилетал в наш двор, расцвёл. Он уже не просто прыгал по поджаренному солнцем снегу в поисках крошек хлеба. Он гарцевал по проталинам, как по военному плацу. Бравый солдат перед сообществом дам-воробьих. Казалось, что спина его выпрямилась, грудь колесом. Ну просто гусар-забияка. Воробьихи ходили немного понуро, они не знали, кого выберет этот горделивый жених. Они поглядывали на него со стороны и пугливо переглядывались между собой. А воробей и не выбирал, он решил, что поимеет всех без исключения. Обычно воробьи, соединившись в пару, проживают своей семьёй все пять лет – всю свою жизнь. Но наш воробышек был особенным. Научился, видимо, от кого-то из людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.